

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В. В. Шамаева, А. В. Зуева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июля 2021 г.

Аннотация: *в данной работе анализируется проблема самоидентификации личности в информационном обществе. Отмечается, что в настоящее время человечество живет в гиперреальности, в которой социокультурные факты утрачивают связь с объективным миром, становясь автономными симулякрами. Поднимается вопрос о том, насколько образы человека в сети и истории, рассказываемые им о себе, влияют на проживание его жизни. Анализируются факты конструирования человеком собственной виртуальной идентичности. Делается вывод, что человеческая личность больше не предстает нерушимой твердыней. Авторы замечают, что современный человек, запутываясь в сетях киберпространства и быстрой смены ориентиров, оказывается на пороге кризиса собственной самости.*

Ключевые слова: *самоидентификация, личность, виртуальная реальность, гиперреальность, идентичность, социальные сети, нарратив.*

Abstract: *this paper analyzes the problem of personal self-identification in the information society. It is noted that at present, humanity lives in a hyperreality in which socio-cultural facts lose their connection with the objective world, becoming autonomous simulacra. The question is raised about how much the images of a person on the web and the stories they tell about themselves affect the living of his life. The facts of constructing a person's own virtual identity are analyzed. It is concluded that the idea of the human personality as an unbreakable stronghold is imaginary, and achieving the integrity of a person's identity is difficult. The authors note that a modern person, entangled in the networks of cyberspace and a rapid change of orientation, finds himself on the verge of a crisis of his own self.*

Key words: *self-identification, personality, virtual reality, hyperreality, identity, social networks, narrative.*

На протяжении всего своего существования человек стремится к гармонии, как с самим собой, так и с окружающими людьми. Для человеческого вида это жизненно необходимо, так как помимо биологических потребностей у него имеются потребности и социальные. В чем они выражаются? Согласно известной пирамиде потребностей американского психолога Абрахама Маслоу, социальные потребности стоят на третьей ступени и выражаются преимущественно в принадлежности к социальной группе, желании ощущать свою полезность, значимость и любовь. Представитель же Франкфуртской школы Эрих Фромм добавил в эту классификацию самосознание (нужду в самоопределении, самоидентификации) и ориентир (потребность в личности, которая будет служить

примером). Качество удовлетворения этих потребностей напрямую влияет на степень развития личности, ее психофизическое здоровье. В XVII–XIX вв. осуществление социальных нужд во многом происходило за счет принадлежности человека к определенному классу. Преимущество общественных классов заключалось в том, что они давали определенного рода механизмы взаимодействия с социумом. Иными словами, человек, рождаясь в каком-либо классе, сразу же приобретал социальную роль, окружение. Индивид знал, кто он, каковы его права и обязанности. Разрушение классовой системы повлекло за собой возникновение такого феномена, как «массы». «Масса» представляет собой атомизированное общество, предоставленное самому себе. Главное отличие ее от других видов объединения людей состоит в том, что она возникает не по признакам формально-общественным или социально-классовым, а скорее имеют место политико-психологические, ситуативные. По этой причине «массы» достаточно эмоционально восприимчивы к лозунгам, отвечающим их настроению, поэтому такое общество легко поддается пропаганде. Как считает Ханна Арендт, именно возникновение подобного рода феномена стало одной из причин прихода к власти сторонников фашизма, нацизма, что повлекло за собой создание тоталитарных систем в ряде стран. В XX в. тоталитарные системы при всех их ужасающих методах (массовые убийства, геноцид, использование принудительного труда и т. д.) стали служить социальным поприщем для людей, которые прежде утратили свое место в мире. Но после Второй мировой войны эти социальные механизмы также были разрушены. В XXI в., с ростом развития технологий, человек сталкивается с новым типом социального взаимодействия людей с помощью таких интернет-площадок, как Facebook, Instagram, V Kontakte, Twitter, Youtube. Они позволяют людям находить новые знакомства по всему миру, вступать в различные общественные группы, получать одобрение, суррогат любви окружающих с помощью «лайков», комментариев, подписок, что можно использовать в качестве площадки для самовыражения, творчества.

Актуальность выбранной темы обусловлена усилением внимания к формированию тесного взаимодействия личности и виртуальной реальности, а влияние информационного пространства на восприятие своей идентичности человеком неоспоримо.

Цель исследования заключается в осуществлении философского анализа проблемы самоидентификации личности в информационном обществе, выявлении основных противоречий бытия современного человека.

Конструирование самости человека в условиях виртуальной реальности

Нет сомнений в том, что дополнительная реальность в лице социальных сетей помогает сгладить недостатки реальной жизни, что в свою очередь помогает людям адаптироваться в социуме. Так, многие стесняются или боятся «вживую» знакомиться с новыми людьми, в то время как написать сообщение, не видя собеседника, дается им с наименьши-

ми усилиями и страхами. Но можно ли в таком случае говорить о замещении аутентичного бытия виртуальным? На эту тему начали говорить философы – постмодернисты. Например, Жан Бодрийяр в своих работах вводит такой термин, как «гиперреальность», под которым ученый подразумевает замену объективной реальности знаками и сообщениями многочисленных масс-медиа. Согласно концепции гиперреальности человек эпохи Постмодернизма живет в знаково-символической среде, мире копий и подделок, симулятивных имитаций. Основная идея этой концепции в том, что прежней естественной реальности больше нет. Теперь человечество живет в гиперреальности, в которой социокультурные факты утрачивают связь с объективным миром, становясь автономными симулякрами. Симулякр, согласно Бодрийяру, – это копия, не имеющая оригинала в реальности. Иными словами, семиотический знак, не имеющий означаемого объекта в реальности. В данной конструкции нет структуры и центра, нет общей картины мира, – это поток сингулярностей, рассредоточенное множество симулякров и симуляций. Интерактивный экран создает измерение, которое не является человеческим, так как в процессе коммуникации слова, жесты, взгляды находятся очень близко, но они никогда не соприкасаются. Это эксцентрическое измерение, в котором происходят деполяризация пространства и неразличимость очертаний тела.

Ввиду трансформации реальности личность человека, говорит Бодрийяр, также претерпевает изменения. Благодаря виртуальной реальности создается online-идентичность. Насколько новая идентичность является отражением истинного Я – до сих пор остается предметом множества дискуссий и обсуждений. Сам Бодрийяр говорил о стирании инстанции Я. «Теперь все разобщены и безразличны под властью телевидения и автомобиля, под властью моделей поведения, запечатленных во всём – в передачах масс-медиа или же в планировке городов. Все выстроены в ряд, и каждый бессознательно отождествляет себя с умело расставленными симулятивными моделями» [1, с. 157]. Перед человеком открываются как невиданные ранее возможности (доступность технологий и знаний, творческая реализация и многое другое), так и принципиально новые проблемы. Со всей остротой человек встречается с дилеммами собственной идентичности. Появляется множество альтернатив выбора образа жизни, эксперименты и жонглирование несколькими социальными идентичностями. Неумолимо встает вопрос о месте человека в быстро меняющемся мире и его взглядах, целях и ценностях. Нам встречается «виртуальная ярмарка» образов, где люди демонстрируют себя и в то же время оценивают других, собирая новый «материал» для будущей трансляции собственного Я.

Современное информационное пространство представляет множество возможностей конструировать свое Я. Тут перед человеком встает выбор создать своего улучшенного «двойника» или породить совершенно нового вымышленного персонажа. В первом десятилетии XX в. выбирали преимущественно способ «анонимного существования», предостав-

ляя киберпространству личность, с возможно иным полом, этнической принадлежностью, возрастом, взглядами – теми качествами, которыми человек не может обладать в своей реальной жизни. Последние же несколько лет наблюдается тенденция показывать миру как можно более правдивую информацию о себе, здесь профиль в социальных сетях, например, может варьироваться от ретушированного и улучшенного меня до транслирования собственной личности и собственного тела «как есть», говоря о необходимости принятия себя.

Однако в любом случае перед пользователями социальных сетей встает вопрос «кто Я?», что именно нужно улучшать или что именно показывать без фильтров. В этот момент человек начинает сравнивать себя с другими. Начинается погоня за большей значимостью, как в своих глазах, так и в глазах других. Бесконечный поток энергии человека уходит на ведение профиля в социальных сетях, чтобы сохранить и утвердить себя в виртуальной вечности. Образ должен отражать то, чем пользователь хочет казаться. Ему, безусловно, важна оценка других пользователей. Однако, всё ли это? Привлекательный собственный образ, прежде всего, важен самому человеку. Но его несоответствие улучшенному варианту себя порождает так называемый саморесентимент, т. е. ненависть и зависть к созданной картинке. Человек желает быть сильнее, любимее, влиятельнее, красивее и т. п. При этом он старается убежать от своей наличной сути, от своей не-идеальности.

Психологи отмечают, что в ситуации анонимности в социальных сетях индивид становится более восприимчивым и импульсивным к внешним ситуациям, провокациям. Так, по мнению американского социального психолога Филиппа Зимбардо, фокус внимания индивида растворяется в силу многочисленности потока информации, вследствие чего теряется и самоконтроль. В подобном контексте используется такой термин, как деиндивидуализация – частичная утрата самосознания и боязнь оценки. Да, виртуальное пространство позволяет пользователям показать себя с лучшей стороны, но не тем, кем они являются на самом деле, так как для получения одобрения от окружающих необходимо (но не обязательно) быть идеализированной версией себя.

Также необходимо заметить, что благодаря инструментам социальных сетей личность может приобретать гиперболизированные черты: могущество, нарциссизм, эгоизм. Вспоминаются слова одного шведского сценариста о том, что современные люди – это, возможно, первое поколение, которому свойственен массовый нарциссизм, колеблющийся между самоуверенностью и осознанием собственной никчемности. Подобной точки зрения придерживался и австрийский психолог Альфред Адлер. По его мнению, подобная ситуация опасна тем, что индивид, опьяненный собственным отражением, теряет связь с реальностью. Ровно противоположную позицию занимает кандидат психологических наук А. Е. Жичкина, которая считает, что пользователь внутри сети ориентирован на «усредненного другого», чтобы быть понятым всеми. Его Я просачивается сквозь множества другого Я в поисках собственной идентичности.

«Таким образом, в ситуациях анонимности человек не теряет контроль над собой, она лишь усиливает стремление человека вести себя в виртуальной бытийности, учитывая социальные нормы, принятые в со-бытии с Другими» [2, с. 106-107].

Нарративная самость и то, почему она непостоянна

Одним из следствий современной информатизации общества становится пребывание человека в мире вечно создающегося инфополюса. При этом реальное активно начинает заменяться симулякрами, которые зачастую кажутся более правдивыми, чем действительность. Человек «переживает отчуждение не только от подлинной реальности, но и от самого себя, трансформировавшись из субъекта проистекающих процессов в их объект. Современный человек уже не принадлежит сам себе, он поработан банальными стандартами-образами общества, реальность которого подвергается сомнению» [3, с. 143]. Можем ли мы сказать, что весь мир в таком случае выступает театром? Индивид воспринимает окружающую действительность как условную и управляемую игровую среду. При этом, как будто меняя спектакли, человек поочередно освобождается от одних правил и шаблонов поведения, а затем приобретает другие.

Каждый человек ищет свое обличье. Он становится непрестанно актуализирующимся проектом. «Для него также характерны неукорененность и детерриторизация, фрагментация и релятивизм. Путь человека, который он сам формирует при помощи «мыши», потенциально предстает как ризома, как книга, которую можно читать с любого конца, с любой главы и даже с любой строки. И в такой книге нет больше главного героя – героем (и даже автором) может стать каждый» [4, с. 61]. Личность занимается интерпретацией своего Я, ей приходится анализировать прошлое, размышлять о будущем. Однако во многом человек предстает рассказчиком определенной истории, тогда на первый план выходит нарративная самость, созданная автором в процессе рассказа своей «истории». «Все мы являемся болтливыми существами, рассказывающими и заново пересказывающими себе историю нашей собственной жизни, не обращая внимания на вопрос об ее истинности» [5, с. 127]. Индивид непрерывно создает рассказы, повествующие о том, кто же он такой, постепенно формируя единую историю. Человек пытается объединить отдельные куски своего бытия в цельную «сказку», со своими причинами и следствиями. Мы можем понимать наше собственное Я и как персонажа и как автора, однако это далеко не все субъекты, участвующие в создании нарратива. Не стоит забывать, что замечая реакции окружающих людей на свою историю, индивид неизбежно дополняет и изменяет ее. Поднимается вопрос о том, насколько истории, рассказываемые нами о себе, влияют на проживание нашей жизни. И вообще стоит ли одно подводить под другое? Жан-Поль Сартр в своем романе «Тошнота» акцентирует внимание на том, что «...каждый человек – всегда рассказчик историй, он живет в окружении историй, своих и чужих, и всё, что с ним происходит, видит сквозь их призму. Вот он и старается подогнать свою жизнь

под рассказ о ней» [6, с. 73]. Эта ситуация еще раз доказывает, что наш собственный нарратив не постоянен, он находится в состоянии вечного движения. Человек открывает новые грани себя и вписывает их в свою историю. Философия Постмодернизма традиционно нам говорит о том, что самость человека предстает иллюзией, приравниваясь к рассказу. Становится невыносимо сложно отказаться от привычных рамок игры и образа. Теперь достаточно сложно самому себе дать честный ответ на вопрос: я это делаю, потому что хочу или мне нужно это сделать, чтобы поведать потом другим, что я пил кофе в столь красивом или престижном месте? Философ Бернард Уильямс склонен делать вывод, что человек, подводя свою жизнь под определенные пункты, стандарты и нормы «счастья и успеха», теряет свою аутентичность, свойственную ему изначально. Созданный персонаж определенно является продуктом человека, ведь некоторые собственные черты личности воплощаются в получившемся образе. При этом может происходить и наоборот, т. е. создавая «идеальную» личность, человек начинает постепенно перенимать у нее черты характера, образ жизни, которую этот персонаж транслирует миру. Всё то же происходит и с иными образами, которые мы встречаем в сети. Знакомясь с «историей» жизни этого персонажа мы хотим иметь в своей жизни нечто похожее, такую же осознанность, внешность, материальные блага, работу и т. д.

Жан Бодрийяр писал: «Мы не знаем, чего хотим, хотим лишь того, чего хочет кто-то» [7, с. 246]. Люди начинают перенимать привычки, желания, ценности и даже цели других, при этом вечно играя роль. В процессе социального взаимодействия человек считывает реакцию окружающих людей на свое поведение, смотрит на себя чужими глазами, тем самым он имеет возможность корректировать свои действия, чтобы получить наибольшую выгоду от взаимодействия. Также происходит и в виртуальном пространстве: прежде чем создавать контент о себе, человек анализирует то, какое поведение составит необходимое впечатление и обеспечит нужную реакцию остальных пользователей. «Если посмотреть на деятельность личности с точки зрения накопления репутационного или бренд-капитала, то человек занимается деятельностью как репрезентацией себя: работа, хобби, семья – результат самопрезентации личности в виртуальном пространстве» [8, с. 80]. Получается, что деятельность человека начинает сводиться к одной цели – выложить «отчет» в информационное пространство и получить положительную оценку от других пользователей и самого себя. Таким образом, встает не только вопрос: онлайн-личность – это мы или это маска? Но и такой вопрос: наша собственная реальная жизнь – это мы или она уже что-то другое? Осталось ли под маской хоть что-то настоящее? Человек, страдая от внутреннего опустошения, собирает «материал», впитывает и «грабит» других, чтобы украсить и спрятать собственную нагую душу. Человек открыт и пуст, он может быть каким угодно, отражать кого угодно, «но те, кто окружает его и в ком он отражается, столь же призрачны и неопределены, как он сам» [9, с. 259].

Расщепленность как свойство характера современного человека

Мир Интернета создает нишу для «побега от реальности», эскапизма. Человек стремится вырваться из привычных рамок своего обыденного мира. «Уход от реальности, как правило, трактуется однозначно негативно, психологи, например, даже перечисляют разнообразные варианты этого “бегства”: такие как рационализация (переопределение реальности), регрессия (уход от реальности), отрицание (исключение реальности), проекция (перемещение внутреннего чувства во внешний мир) и т. д.» [10, с. 191]. Однако описанные случаи представляют собой радикальные случаи психического отклонения. Если же рассматривать эскапизм как неотъемлемую часть человеческого бытия, то происходит расщепление сознания и бегство в часть сознания, воплощенную в вымышленном Я-образе. Эскапистское сознание, создавая новые миры, открывает заново для себя реальную объективность, начинает понимать ее лучше.

Можно ли сказать, что у человека происходит состояние расщепления целостности индивида, ведь он существует одновременно в нескольких пространствах? Человек смотрит на мир с двух точек зрения, находясь в реальном и виртуальном мирах. «Это удвоение базово присутствует в любом процессе познания: когда мы отдаем себе отчет в том, что познаем нечто, что оцениваем конкретную ситуацию, что наблюдаем свой процесс мышления, когда мы осуществляем акт рефлексии, акт “мышления о мышлении”. В такой ситуации наше Я подразделяется на Я-действующее, Я-актора, того, кто делает нечто, или мыслит нечто, и Я-наблюдателя, Я-контролера, того, кто наблюдает за тем, как совершается процесс мышления. Такое удвоение не является патологическим, оно лежит в основе нашей возможности абстрактного мышления» [там же, с. 195]. Виртуальный образ чаще всего предстает как дополнение нашего реального Я, а не нечто совершенно ему противостоящее и альтернативное основному сознанию. В своих виртуальных образах человек может открыть для себя новые возможности, решиться на конструирование себя и улучшение впоследствии своего реального Я. Все наши действия в виртуальной реакции являются желаниями реальной идентичности, которые не нашли своего выражения. Таким образом, в возможности создания личности в сети можно видеть два следствия: уход от реальной коммуникации или же скрытые резервы для собственного развития и познания. При этом многие исследователи указывают на «рассыпание» идентичностей человека, скрывание истинного лица. «Человек окружен «зеркалами симулякров, в которых личность (идентичность) теряется в несчетных отражениях, теряется перед отражением своей полиидентичности, отражающей чарующий политеизм человека — не столько многобожие, сколько многочеловечие: многие неуловимые, мимолетные лики и отблески того единого (человека), что может быть (если не быть, то притвориться) многим» [2, с. 226]. Как следствие, поиск собственной идентичности и неспособность человека выбрать самого себя, паранойя

собственной недооцененности, нереализованные амбиции приводят к большинству современных диагнозов (депрессия, панические атаки, потеря контроля, социальные фобии).

Абсурдно думать, что человек – это зафиксированная сущность. Идея о том, что человеческая личность является нерушимой твердыней, является мнимой. Вспомним идеи экзистенциалистов. «Человек всегда больше того, что он знает о себе. Он не одинаков во всех случаях, он есть путь; не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нем возможность, даруемая свободой, исходя из которой, человек еще в своем фактическом действии решает, что он есть» [11, с. 145]. Человек, появляясь в этом мире, сначала находится на пути существования. Он осмысляет себя, ставит цели, т. е. человек сам творит свое бытие, а заранее заданной сущности у него нет. Сущностью человека станет то, что он сделает из себя сам, он будет таким, каким сам сотворит себя. Хайдеггер видит путь к подлинному существованию через погружение в себя уникальной личности, выделяющейся из толпы, через осознание личной ответственности за свои действия. Сартр указывает на то, что человек каждый раз выбирает себя путем отрицания себя как нечто завершенного, как того, чем мы были несколько минут назад. Мы проектируем, «собираем» себя в каждый следующий момент, мы еще незаконченное «строение». Наше прошлое мертво, человек делает выбор в условиях царящей вокруг «пустоты». Нам не открыта конечная цель нашего пути, мы можем только догадываться, к чему ведет каждый совершенный нами выбор. Мы всегда возможность, и тем самым никогда человеческое бытие «не есть то, что оно есть, и есть то, что оно не есть». Таким образом, ядром философии Сартра становится сознание, которое является тем, чем оно не является. Что означает, что оно проектирует себя, воплощает, но при этом и уничтожает. Однако не быть собой, бежать от себя – это проблема для существования человека. Мир вокруг становится чуждым, неудобным, а человек окунается в бесконечную тоску и одиночество. Он становится обладателем абсолютной свободы и носителем полной ответственности за свой проект бытия, но что получает взамен? Человек есть тревога, говорит нам Сартр. У него нет твердой почвы под ногами, «...ему не на что опереться ни в себе, ни вовне» [12, с. 321]. Его жизнь представляет собой череду поступков, череду выборов.

Человек не может оставаться одинаковым на протяжении всей жизни, ведь тогда придется говорить об отсутствии саморефлексии. Целостность не является характерным признаком человека, наоборот, его существование разорвано и фрагментарно. «В действительности же любое “я”, даже самое наивное, – это не единство, а многосложнейший мир, это маленькое звездное небо, хаос форм, ступеней и состояний, наследственности и возможностей. А что каждый в отдельности стремится смотреть на этот хаос как на единство и говорит о своем “я” как о чем-то простом <...>, то этот обман есть, по-видимому, такая же необходимость, такое же требование жизни, как дыхание и пища» [13, с. 73–74]. Человек расщеплен в глубине своей сущности, ему постоянно приходится противопо-

ставлять себя себе. «Целостность – это не данность, которая заложена в самой человеческой природе. Она не что иное, как мучительное обретение гештальта, некоей завершенности, относительной гармонии. Человек – это усилие быть человеком» [14, с. 146].

В заключение отметим следующее. Современный человек, запутываясь в сетях киберпространства и быстрой смены ориентиров, оказывается на пороге кризиса собственной самости, а общество вокруг становится средой «невротиков». Открытым остается вопрос о полиидентичности в условиях современного динамичного процесса виртуализации. Происходит трансформация человеческого бытия. Теперь реальность становится наполовину виртуальной, появляется гиперреальность. В данных условиях идентичность человека также накладывает свою приставку «гипер». Это означает, что, помимо обыденного *Я*, у индивида появляется виртуальное *Я*, которое может совпадать с первым либо превосходить его, становясь идеальным *Я*. Полиидентичность в этом контексте выражает стремление человека к многоликости, множественности. Такая потребность людей, с одной стороны, показывает их желание прожить множество жизней за одну, а с другой – накладывает определенные трудности с самоидентификацией собственного *Я*. Человек осмысляет себя, двигаясь от перенимания чужих ролей и образов к самостоятельно созданному персонажу. Е. И. Богомолова выделяет две позиции, занимаемые пользователем в сети. Так, «субъектная позиция выражается в трансляции личностью своей истинной идентичности в реальном и в виртуальном бытии; а субъектная – в избегании реального взаимодействия, включении в виртуальное пространство с возможностью регламентации нежелательных контактов и реакций с целью формирования ложной идентичности и получения подкрепления этой идентичности» [2, с. 114]. Жизнь вокруг человека превращается в выбор наиболее подходящего поведения, роли и стиля жизни, которые помогли бы в осуществлении проекта собственной жизни. При этом повышается зависимость человека и его самооценки от одобрения и признания окружающих, что постепенно становится нормой.

В. В. Шамаева, А. В. Зуева. Проблема самоидентификации личности...

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Доломит, 2000. – 387 с.
2. *Богомолова Е. И.* Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия / Е. И. Богомолова // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 2. – С. 104–120.
3. *Бадмаев В. Н.* Постмодернистское мироощущение современного информационного общества / В. Н. Бадмаев, А. М. Джевакова // Вестник АГУ. – 2018. – № 2 (219). – С. 141–148.
4. *Корнеева М. П.* Человек эпохи Интернета / М. П. Корнеева // Открытое образование. – 2006. – № 3. – С. 58–67.
5. *Жукова О. И.* Раскол самости личности в философии Постмодерна / О. И. Жукова // Вестник Кемеров. гос. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 87–95.

6. Сартр Ж.-П. Тошнота / Ж.-П. Сартр. – М. : Изд-во АСТ, 2017. – 317 с.
7. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 258 с.
8. Старцев А. А. Идентичность и идентификация личности в социальных сетях / А. А. Старцев, Н. В. Гришанин, Н. В. Кириллина // Коммуникология. – 2018. – № 4. – С. 76–87.
9. Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь / К. Юханнисон. – М. : Нов. лит. обозрение, 2021. – 320 с.
10. Труфанова Е. О. Расщепленное сознание как междисциплинарная проблема / Е. О. Труфанова // Философия науки. – 2014. – № 1. – С. 183–199.
11. Ясперс К. Власть Массы / К. Ясперс Ж. Бодрийяр // Призрак толпы. Философский поединок – М. : Родина, 2020. – С. 11–204.
12. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов / Ф. Ницше, Э. Фромм, Ж.-П. Сартр [и др.]. – М. : Политиздат, 1989. – С. 319–344.
13. Гессе Г. Степной волк / Г. Гессе. – М. : Издательство АСТ, 2021. – 288 с.
14. Гуревич П. С. Проблема целостности человека / П. С. Гуревич. – М. : ИФРАН, 2004. – 178 с.

Воронежский государственный университет

*Шамаева В. В., студентка факультета философии и психологии
E-mail: viola_shamaeva00@mail.ru*

*Зуева А. В., студентка факультета философии и психологии
E-mail: zuewa.anka2013@yandex.ru*

Voronezh State University

*Shamaeva V. V., Student of the Faculty of Philosophy and Psychology
E-mail: viola_shamaeva00@mail.ru*

*Zueva A. V., Student of the Faculty of Philosophy and Psychology
E-mail: zuewa.anka2013@yandex.ru*